

Путешествовавший «По белу свету» доктор А. В. Елисеев* в 80-х годах прошлого столетия встречал всюду — и на севере Сирии, и в глубине Малой Азии и Армянского нагорья, в Амасье, Малатье, — людей — турецких офицеров — бывших пленных, черкесов-переселенцев с Кавказа и многих других, и все они тепло вспоминали о жизни в России.

Вот почему и для русского человека, непредубежденного, всегда было очевидно внутреннее благородство турецкого народа. Баснописец И. И. Хемницер, попавший случайно консулом в Измир — там он скоро и умер, — проводя параллель между мусульманами и христианами, пишет: «Турок по крайней мере что сказал, то и сделал, разумеется, турок не франкизированный». О местном христианском населении, наоборот, он отзывался резко. «Каждое их дыхание — обман, и весь воздух заражен обманом». Так думал официальный представитель России, находившийся в Турции после Кючук-Кайнарджийского мира.

В ГОСТЯХ У КАЗАКОВ

Всем, кто ни просился, турки охотно давали у себя приют, например, мухаджирам, бросавшим родные земли, когда они отходили к христианам. И потянулись — и теперь тянутся еще — вереницы турок с Балканского полуострова, усиливая физическую и моральную мощь малоазиатских турок.

Всюду в Малой Азии живут также вольные и невольные пришельцы с Кавказа, из Крыма... Они эмигрировали после присоединения Крыма к России в конце XVIII в. или после замирения Кавказа в XIX в. «Черкесов» — так в Турции зовут всех переселенцев с Кавказа, даже осетин, — турки всегда ценили за храбрость. «Черкесы» часто занимали высокие военные и административные посты. Но нашли ли они в Турции вторую родину? И успокоилась ли там их душа?

Был я после войны в Кыршехире, и узнали об этом «черкесы», обрадованные, притащились они из деревни и заговорили по-русски, а хозяин кофейни вскипел и закричал: «Да что это? Здесь Турция, и здесь может звучать только турецкая речь!» Озлобление после войны еще не остыло. В глазах турка, кажется, принявшего меня за какого-то эмиссара, который сманивал «черкесов», национальные меньшинства в Турции могли говорить только по-турецки.

Многих турок охватила ксенофобия; они раздраженно оглядываются и слушают тех мусульман-мухаджиров, которые, столетия прожив где-нибудь в Янине, говорят только по-гречески или коверкают турецкую речь. «И как это турки, победоносно распространявшие господство над народами Балканского полуострова, — думает журналист, — допустили греческий язык!»

В Турцию увели князя Берзековы — старые вожди племени — и убыхов. Поселенные в Балыкесире, они надолго исчезли из поля зрения научного наблюдения. Мой университетский учитель Вс. Ф. Миллер все убеждал меня побывать у них; я поленился и хорошо сделал — к ним командирован был Академией наук кавказовед А. Дирр, впервые зафиксировавший звуки убыхского языка; венгерский этнограф Ю. Месарош, мой товарищ по Стамбулу, собрал там дополнительный лингвистический материал; но, увлекшись, хочет видеть в убыхах потомков хеттов!

В середине 60-х годов XIX в. в Стамбуле была — и в голову-то никак не придет! — крохотная колония чувашей, бежавших от миссионеров; отпав от христианства, они омусульманились и растворились среди турок.

В Европе в XVIII—XIX вв. поднимались восстания венгров, поляков. Они кончались поражениями. Один из вождей восстания венгров, противник Габсбургов Ф. Ракоци, князь Трансильвании, в 1720 г. бежал в Текирдагы и там похоронен* — рассказал мне об этом историк Ахмед Рефик; поляк М. Чайковский*, в Турции известный как Мехмед Садык-паша, обласканный турками, во время Крымской кампании двинул против России полки из казаков, но потом стосковался и вернулся в Россию. Поэт-скиталец Адам Мицкевич тоже умер в Стамбуле, и младотурки на доме на Пера закрепили память о нем мемориальной доской.

Поляки основали на азиатском берегу Стамбула, за Бейкозом, колонию Адамполь в честь знаменитого земляка — турки или левантийцы ее переименовали в Полонезкёй. У поляков было там образцовое молочное хозяйство, уютом и чистотой веяло от их домов, и жили там тихо и аккуратно люди, потерявшие родину*.

Не мало перебывало в Турции и русских: невольники, свозившиеся в Кафу (Феодосию), потом военные пленники; закинутые в глубь Малой Азии, они там растворились и пропали, и только иногда открываются следы. Так, случайно Е. И. Чириков встретил на Евфрате бывшего пленного русского, попавшего туда во время войны 1828—1829 гг.; он женился уже на халдейке, т. е. айсорке.

Среди некоторых русских людей тяготы жизни, экономические и религиозные, питали фантастические слухи о благословенных землях, где текут молочные реки с кисельными берегами, и рождали безотчетную тягу на Восток. В эпоху Петра I реформы отпугнули от него сотни и тысячи сторонников московской старины, и недовольный русский люд (это были главным образом старообрядцы-казаки) уходил туда — на просторы страны полумесяца; там, казалось им, была та правда, за которую они шли на страдания, на смерть.

Оторвавшись от родины, они обосновались в Европейской Турции — она была так велика и обильна. Рыболовы, они из устья Дуная расползались по южному, турецкому, побережью Черного моря, забирались на озера в Малую Азию; осенью или возвращались домой, или устраивались вновь там, где им слюбилось.

Иногда путешественники напоминали о них сородичам, но сколько погибло безвестно этих колоний, сколько погибло этих несчастных людей и от новых условий жизни. Одна из этих колоний была недалеко от Стамбула; туда частенько заглядывали и русские, которые описали ее подробно — доктор русской больницы в Стамбуле В. П. Щепотьев, ориенталист В. Ф. Минорский; я был там в 1911 г.

* * *

У оз. Майноса, за Бандырмой, у Мраморного моря, живут в двух селениях закинутые на чужбину старообрядцы.

Одно селение — «Эски-казаклар» («Старые казаки») — образовалось еще в конце XVIII в. из потомков казаков, бежавших под командой Игната Некрасова во время бунта Булавина в 1707 г. с Дона сперва на Кубань, а потом — на Дунай.

Все же помыслы их в дальнейшем обращались на север. Иеромонах Мелетий, ездивший в конце XVIII в. в Палестину, повстречал в 1794 г. в Стамбуле некрасовцев; уже тогда между ними был раскол — молодежь хотела вернуться на родину, а старики удерживали их. Общее число некрасовцев иеромонах Мелетий определял в 10 тыс. душ.

С образованием Румынского королевства устроившиеся в Добрудже старообрядцы подпали под общие законы. Это претило их вольной натуре, и после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. они эмигрировали в Турцию, потому что румын, как образно говорили старообрядцы, грозил им троеперстным сложением креста.

Под сенью мусульманского полумесяца мечтали они найти покой, но, как видно будет из дальнейшего, они ошиблись в своих расчетах. В Малой Азии они основали новое селение, так называемое «Ени-казаклар» («Новые казаки») или, официально, Хамидийе — в честь султана Абдул Хамида II.

Появились также русские эмигранты на Бейшехирском и Акшехирском озерах Конийского вилайета, где они также влачили жалкое существование. Бейшехирское население, находившееся на острове Маде, было основано колонистами-некрасовцами с Майноса. Когда лихорадка скосила часть жителей, большинство из них перебралось на Акшехирское озеро; позже к ним присоединилась еще из Добруджи группа старообрядцев. Но давно миновало время, когда некрасовцы — первые русские колонисты — жили в холе и приволье в Малой Азии. Теперь тесным кольцом окружили майноских старообрядцев мухаджир-черкесы, татары, турки.

У турок все русские поселенцы в Малой Азии, кто бы они ни были, носят имя «казаков». Впрочем, слово «казак», получившее, может быть, со времен Отечественной войны 1812 г., большое распространение, часто употреблялось как синоним для обозначения русского человека. Епископ Порфирий вспоминал, как француз, ехавший с ним к Мертвому морю, величал его «казаком»; его и в Каире принимали за «знатного казака в лисьей шубе». Да и ко мне так постоянно обращались, полушутя, в Бурсе; например, мой старый приятель мухаджир Дели Омер, покинувший после войны 1877—1878 гг. Разград. Да и уличный щеточник Али в Конье, видно, часто слышал эту кличку от беженцев во время скитаний по Малой Азии.

На чужбине, оторванные от сородичей, казаки сохранили еще формы быта, уже исчезнувшие в России; так, невеста перед венчанием надевает на голову убор с рогами; над могилой сооружается иногда домовина — «голубец» с крестом. Слышится также старая русская речь, но обильно отягощенная турецкими словами.

В жизни казаков происходил все же крупный перелом — с насыженных гнезд поднимались они обратно в страну отцов. Яснее всего это течение наблюдалось на Майносе.

В казачестве живет безудержная тоска по божьему граду, лежащему где-то за «Стеклянным морем», на реках Тигре и Евфрате. Там стоит невидимый град, окруженный троекратными воротами, но зорко оберегает стража город от непрошенных путников. В поисках правильной веры в «царстве блаженных людей», в Беловодском царстве, пускались в далекое путешествие и уральские казаки, дневник которых издал Владимир Галактионович Короленко.

Так, долго сохранялись у нас сказания о пресвитере Иоанне, занесенные в Европу путешественниками-миссионерами, которые слы-

шали в Азии о монгольском князе Ван-хане; жертва Чингис-хана, он представлялся им идеалом высшей справедливости, утраченной средневековьем. Для старообрядцев он жил еще, носитель правды, и к нему тянулись думы их. Но позже среди старообрядцев Турции, спускавшихся из заоблачных высот на землю, все чаще и чаще стала пробуждаться мысль о том, как бы вернуться в Россию.

Уже после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. майносы просили московского митрополита о принятии их в лоно русской церкви на правах единоверия. А когда в 1905 г. до старообрядцев дошли слухи об указе 17 апреля «об укреплении начал веротерпимости», их желание, казалось, легко могло осуществиться. Они послали было ходоков на Дальний Восток; но отведенная земля им не понравилась, и на время движение заглохло.

Политический переворот, совершившийся в 1908 г. в Турции, также внес изменения в положение старообрядцев. Для всех подданных Османской империи, не только мусульман, но и христиан, ранее плативших рекрутский налог — бедель, была установлена воинская повинность. Старообрядцы заволновались: «Как же мы в случае войны поднимем руку на своих братьев по вере?» — раздумывали они и снова устремили взоры на Россию. На этой почве у них происходили столкновения с турецкими жандармами, которые являлись в деревню за новобранцами.

Как бы то ни было, русское посольство в Стамбуле сочувственно отозвалось на обращение старообрядцев за помощью, и для русских эмигрантов из Малой Азии — для хамидийцев — отведены были на Кавказе, около Сочи, три земельных участка. А вскоре ходоки некрасовцев из селения Эски-казаклар уехали в Россию, чтобы присмотреть землю в Новгородской губернии, около оз. Ильменя.

Легче поднимались молодежь и люди безземельные; занимались они главным образом рыболовством, и в Турции, стало быть, им терять было нечего. Но не так смотрели люди пожилые, уравновешенные, над которыми сильно сказывается власть земли. Население Эски-казаклар резко расколосось на две группы. Духовенство с атаманом во главе настроено было выжидательно и даже враждебно. Среди хамидийцев в селении Ени-казаклар было больше единства. С самого начала в земле у них ощущался недостаток, и для них устройство на новых местах, в России, было вопросом насущным. В то время как из селения Старого, некрасовского, уехало всего человек 50 (молодежь), селение Хамидийе, насчитывавшее 200 дворов, наполовину опустело.

Однако старообрядцам еще не очень-то верилось в ласковый прием в России. «Вот вы говорите, — полушутливо заметил мне майносец, — что наших на Кавказе встретили с музыкой, а мы слышали, что Ефима-то уже повесили!»

Конечно, положение старообрядцев было в Турции не из приятных, но я боялся, что, попав тогда в Россию, очень скоро они разочаровались бы и в русских порядках и с еще большей силой затосковали бы по «божьему граду».

Рухнула старая Турция, а у казаков все шло по-прежнему.

В 1936 г. стамбульская газета «Курун» поместила корреспонденцию из Коджагёля, рисующую обстановку спустя четверть века после того, как я был «в гостях у казаков».

Вот что пишет ее автор Р. К. Джантюрк — я сохраняю и его стиль простой, и промахи.

«Коджагёль, знаменитая деревня Бандырмы, находится на берегу оз. Маньяс. У этой деревни историческая известность, а у жителей ее очень странные обычаи; еще называют это место „Казацкой деревней“. Жители исключительно русские. Они переселились сюда из России во времена Петра I — они бежали, потому что, оставаясь там, они должны были курить табак и брить бороду.

Хотя тогда они прибыли в количестве двух-трех тысяч дворов, впоследствии часть ушла в Болгарию и Румынию. Двадцать два года тому назад жители двух деревень вернулись в Россию. Теперь здесь осталось в 120 домах всего 700 человек.

Родной язык у них русский, но все они прекрасно говорят по-турецки. В прошлом году они устроили у себя хорошую начальную школу. В самое последнее время они стали курить и брить бороду. Они выделяются одеждой, до сих пор сохранившейся в том виде, какой была она 300 лет тому назад. Мужчины носят полукафтан (yağın etek). Очень большое значение придают они чистоте; дома у них побелены, при каждом доме — сад. Они разводят всякого рода живность; занимаются рыболовством и сельским хозяйством. Здесь выращивается знаменитая казацкая фасоль, кабачки, горох и кукуруза. Фасоль их очень вкусная, и на базарах на нее большой спрос.

Жители богаты, но очень ладки на водку и на вино, многие из них пьют и вина, выпускаемые монопольным управлением. По воскресеньям они принаряжаются, и все бывают навеселе. Они любят жить свободно и широко, двери дома у них открыты для гостей. У них собираются отовсюду любители покутить и повеселиться. Можно сказать, это как бы „Польская деревня“, что под Стамбулом. Их много бывает на ярмарках, мужчины и женщины вперемешку, а также на базарах, которые еженедельно происходят в окрестных местах. Они привозят туда на продажу живность и сельские продукты. Многие из них ходят босиком. Религию они исповедуют православную и очень привязаны к ней и своим обычаям. Девушки у них блондинки и красавицы.

Сейчас прошла мимо меня молодая красивая казачка. Крестьянин, сидевший рядом со мной, что-то сказал ей, она улыбнулась и, наклонив голову вниз, удалилась. Сделав несколько шагов, она остановилась и, повернувшись лицом к стене, перекрестилась и потом продолжала путь. Оказывается, в том направлении была церковь!»

Казачки, кажется, прочно осели на оз. Майнос и как будто отказались от поисков «божьего града».

ПО КЛАДБИЩАМ

Один или в сопровождении турка, который часто оберегал меня от взрыва фанатичной подозрительности, бродил я по кладбищам Стамбула или тех городов Малой Азии, куда заносил меня случай. Я собрал слова — словесные обломки о людях, которые жили когда-то на земле, я слушал предания и легенды — так накопил я большой агиографический материал.

На могильных памятниках, то грубых, то изящных, написана и зарисована вековая история страны — ее хронология, быт, искусство. Какие-нибудь ножницы или боевой конь выдают профессию человека, а форма камня, шрифт, орнамент говорят об эпохе, культурном или

Северные соседи (Взгляд на русских)

Печатается впервые по машинописному оригиналу автора.

Стр. 144. *Хайреддин Недим...*

Турецкий журналист, писал после революции 1908—1909 гг. в «Сервети Фюнюн» (В. А. Гордлевский, *Избранные сочинения*, т. I, стр. 440).

Стр. 144. ...*дагестанец Мурад-бей...*

Дагестанлы Мехмед Мурад-бей (ум. в 1917 г.) — видный турецкий историк; образование получил в России, по-видимому в С.-Петербурге, эмигрировав в Турцию, одно время преподавал историю в стамбульской «Мехтеби мюлькийе»; автор ряда исторических трудов, в том числе 6-томной «Всемирной истории» («*Tarihî umumî*») с однотомным дополнением к ней: «Османская история» («*Tarihî osmanî*»); подр. см.: Franz Babinger, *Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke*, Leipzig, 1927, S. 391—397.

Стр. 145. ...*Ф. Ф. Торнау...*

Торнау Ф. Ф., барон (1810—1890) — генерал-лейтенант, писатель; участвовал в войнах с Турцией в 1828 и 1854 гг., автор записок: «Воспоминания кавказского офицера, 1835, 36, 37 и 38 года», ч. 1—2, М., 1865; «Воспоминания о кампании 1829 года в Европейской Турции», М., 1867.

Стр. 146. *Петешествовавший «По белу свету» доктор А. В. Елисеев...*

Елисеев, Александр Васильевич (1858—1896) — врач и путешественник, выпустил книгу «По белу свету», т. I—IV, 2-е изд., СПб., 1901—1904.

В гостях у казаков

В статью вошли два ранее опубликованных этюда: «О русских на Майносе (в Малой Азии)» («Русские ведомости», М., 1911, № 148) и «Уголок России в Турции (старобрядческая деревня под Акшехиром)» («Русская мысль», М., 1912, № 12, стр. 119—133).

В данном издании оба этюда приводятся в переработанном автором виде. По теме статьи см. также: В. Минорский, *У русских подданных султана*, — «Этнографическое обозрение», М., 1902, № 2 (там же и библиография).

Стр. 147. ...*бежал в Текирдагы и там похоронен...*

К числу лиц, находивших в Турции убежище в начале XVIII в., относился и шведский король Карл XII (1682—1718), который, спасаясь от войск Петра I во время Северной войны, перешел в 1709 г. на территорию Турции, где оставался до 1714 г., безуспешно добываясь от султана помощи для продолжения войны против России.

Стр. 147. ...*поляк М. Чайковский...*

Чайковский, Михаил Станиславович (1804—1886) — участник польского восстания 1830—1831 гг., эмигрировавший после его подавления во Францию, был командирован в Стамбул в качестве негласного агента французского правительства; в Турции принял ислам и имя Мехмеда Садык-паши, перешел на турецкую службу и участвовал на стороне Турции в войне 1853—1856 гг. против России. В 1873 г. принял православие и уехал в Россию, где был известен как сторонник сближения поляков с царизмом, выступая как публицист в реакционных газетах; автор нескольких беллетристических сочинений.

Стр. 147. ...*жили... люди, потерявшие родину.*

В Турции нашли убежище руководители революции 1848 г. в Венгрии — Л. Кошут, И. Бем и Г. Дембинский.

По кладбищам

Публикуется впервые по машинописному оригиналу автора.

Стр. 151. ...*в кафе...*

Досл.: клетка, решетка; в данном случае — род решеток в окнах в виде маленьких квадратиков из тонких деревянных пластинок, препятствующих видеть снаружи внутренность помещения.

Стр. 152. ...*Ахи Эврана...*

См. статью: В. А. Гордлевский, *Из жизни цехов в Турции. К истории Ахи*, — *Избранные сочинения*, т. I, стр. 276—286.

Стр. 152, ...*купчур...*

См. В. А. Гордлевский, *Государство Сельджукидов Малой Азии*, — *Избранные сочинения*, т. I, стр. 68, 124 и 494.

Стр. 152. ...*издателей — М. М. ван Берхема и Халиля Эдхема*

Автор имеет в виду труд: Max van Berchem et Halil Ephem, *Matériaux pour un*

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИК

В. А. ГОРДАЛЕВСКИЙ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1962